

Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II-мъ.

Воспоминанія 1864—1881 дѣтства и отроческихъ лѣтъ вдовы профессора живописи Наталіи Кирилловны Васильевой.

Берусь за перо съ тѣмъ, чтобы оставить тебѣ, дорогое мое дитя, хотя въ краткой формѣ воспоминанія о моемъ въ дѣтствѣ знакомствѣ съ Государемъ—знакомствѣ, продолжавшемся и въ послѣдующіе годы, вплоть до рокового 1881 г. Считаю грѣхомъ умолчать объ этихъ встрѣчахъ. Пускай эти строки, писанныя хотя совсѣмъ неопытной рукою, прольютъ еще лишній яркій лучъ на личность того Царя, который, любя свой народъ, совершилъ великое дѣло освобожденія. Тутъ я пишу о томъ, какъ онъ любилъ дѣтей, понимая ихъ чистыя, безхитростныя сердца. И такъ, моя хорошая, тебѣ посвящаю я эти строки, въ которыхъ ты, дружокъ, найдешь все то, о чемъ я тебѣ, бывало, много разъ рассказывала, сидя у твоей кровати, гдѣ ты, засыпая, просила, бывало: „Бабикъ, расскажи про себя, какъ ты была маленькой и какъ говорила съ Царемъ“.

И такъ, я начну.

Счастлирое дѣтство,
Веселые дни,
Какъ вешнія воды
Промчались они.

1864—1881 г.

Въ 1864 г., 5 марта, меня свезли въ Смольный институтъ на Александровскую половину. Въ то время еще Николаевская и Александровская половины составляли одно цѣлое подъ начальствомъ Маріи Павловны Леонтьевой и инспектриссы Аделаиды Карловны Сентъ-Илеръ. Тяжело мнѣ было расставаться съ семьей, и только благодаря прекрасной и доброй классной

дамѣ, къ которой я попала, Александрѣ Петровнѣ Ламбиной (впослѣдствіи Орловой), и благодаря ея теплому участию къ моему одиночеству, я скоро въ институтѣ освоилась, а когда познакомилась съ будущими моими подругами, то, какъ и всегда бываетъ въ жизни, все вошло въ свою колею, особенно когда начались занятія. Время отъ времени институтъ нашъ посѣщаль Государь Императоръ Александръ II. Это было для насъ счастливѣйшимъ временемъ; мы всѣ съ открытымъ сердцемъ, полнымъ любви и обожанія къ доброму Государю, бѣжали ему навстрѣчу, чувствуя своимъ дѣтскимъ сердцемъ, какъ онъ насъ, дѣтей, любитъ. Его добрыя слова: „Хорошо ли намъ и довольны ли мы всѣмъ“, его забота о насъ сильно западала въ сердце, и сейчасъ, уже на склонѣ лѣтъ, помнишь его добрый взглядъ (при этомъ). Провожали мы его всегда гурьбой до подъѣзда, гдѣ онъ еще разъ съ нами прощался. Я особенно его любила, и М. П. Леонтьева, когда мнѣ было еще 10 лѣтъ, не иначе меня называла: „с'est ma petite patriote“, и это прозвище осталось за мною на все время моего пребыванія въ институтѣ. При видѣ Государя я не могла безъ слезъ умиленія смотрѣть на него, такъ я передъ нимъ благоговѣла. Лѣто обыкновенно мы проводили на дачѣ въ деревнѣ Ново-Весъ, близъ Павловска; мы, дѣти, постоянно гуляли въ лѣсу близъ деревни, собирая цвѣты и землянику.

Однажды, въ 1864 г., играя на горкѣ, я увидѣла Государя. Ѣхавшаго на лошади съ берейторомъ, по другую сторону рѣки Славянки, отъ Глазова по направленію Ново-Веси. Я забыла и цвѣты и все, и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать по направленію къ мосту, гдѣ долженъ былъ ѣхать Государь. Перескочивъ канаву, я остановилась (мнѣ было 11 лѣтъ), а Государь, подѣхавъ, остановился съ вопросомъ: „Зачѣмъ вы такъ бѣжали“. Я отвѣчала: „Чтобы на васъ посмотрѣть, Ваше Императорское Величество“.— „Вотъ что, а я какъ будто бы васъ гдѣ-то видалъ“. Я ему отвѣтила, что, когда онъ былъ въ Смольномъ, я въ присутствіи его отвѣчала. Разговаривая, дошли мы до деревни, и прощаясь, онъ сказалъ, что всегда здѣсь катается отъ 2 до 4 часовъ, всегда по этой дорогѣ, и если мы хотимъ, то можемъ сюда приходить. Такъ началось наше знакомство. Черезъ нѣсколько дней онъ спросилъ, знаемъ ли мы Императрицу; мы, ни капли не смущаясь, отвѣтили, что знаемъ только по карточкѣ, а онъ сказалъ тогда, смѣясь: „Сегодня къ 7 часамъ вечера приходите сюда, и я вамъ покажу Императрицу, Великую Княжну, Наслѣдницу (нынѣ вдовствующую

Императрицу) и всѣхъ моихъ“. Я съ братьями, дѣти Лаврова и другіе дачники собрались къ 7 часамъ вечера въ паркѣ, на горку близъ деревни, и дѣйствительно, къ этому времени Государь пріѣхалъ въ шарабанѣ, запряженномъ цугомъ въ 4 лошади съ жокеями. Государь правилъ и сидѣлъ съ Великой Княжной Маріей Александровной, Императрица сидѣла съ Наслѣдницей, а сзади Великіе Князья Павелъ и Сергѣй. Впослѣдствіи Государь заказалъ моему отцу, К. А. Горбунову, картину масляными красками, изображающую этотъ моментъ, и въ настоящее время картина эта находится въ Царскосельскомъ дворцѣ, на половинѣ Императора Александра II. Когда Государь остановился, онъ сказалъ Императрицѣ: „вотъ мои новые знакомые“, *c'est ma petite bande* и ровесницы нашей Маши, и я ее какъ-нибудь привезу, чтобы собирала съ вами цвѣтовъ.

Съ этого лѣта 1864 года начинаются постоянныя мои встрѣчи съ Государемъ. Обыкновенно встрѣчали мы его у деревни Нововесь и шли, разговаривая съ нимъ, до спуска съ горы въ Красную Долину; здѣсь Государь прощался съ нами, говоря, что боится, чтобы лошадь кого-нибудь изъ насъ не зашибла. Въ настоящее время здѣсь вывѣшена дощечка съ надписью: „Любимая дорога Императора Александра II“. Я не сказала еще, что Государь всегда ѣхалъ верхомъ, а сзади его, на разстояніи,—берейторъ, а мы, человекъ 8—12 дѣтей, шли рядомъ и говорили, конечно, какъ ребяташки, обо всемъ: объ ягодахъ, о грибахъ, о купаньѣ и т. п., часто подносили Государю цвѣты, которые намъ казались хорошими, а братъ мой, которому тогда было 13 л. (теперь арх. А. К. Горбуновъ), разъ набралъ на припекѣ букетикъ лѣсной земляники, созрѣвшей на солнцѣ, и думая, что это первая ягода и что Государю еще не приходилось ее кушать, преподнесъ ему; съ доброй улыбкой принялъ Государь этотъ подарокъ, поѣлъ нѣсколько ягодъ и поблагодарилъ брата. Говорили мы съ нимъ о своихъ играхъ, о томъ, кто скорѣе бѣгаетъ, и даже разъ предложили ему посмотреть, какъ мы играемъ въ горѣлки, чтобы онъ самъ видѣлъ, кто изъ насъ скорѣе всѣхъ бѣгаетъ. Мы ему говорили обо всемъ: о томъ, какъ въ сильный дождь протекаютъ крыши въ нашей дачѣ и какъ приходится подставлять корыта, чашки и проч. посуду; онъ много смѣялся надъ дачею „съ протекціей“. Въ разговорѣ, вызванномъ нашей простой дѣтской искренностью, самъ Государь часто рассказывалъ намъ многое изъ своего дѣтства и о времени, проведенномъ въ Павловскѣ у своей Авгу-

стѣйшей Бабки, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, о томъ, какъ она ему позволяла въ жаркое время бѣгать босикомъ по рѣкѣ Славянкѣ и ловить рыбу; онъ прибавлялъ при этомъ: „Если есть во мнѣ что хорошее, то я всецѣло обязанъ этимъ своей Бабкѣ, которая меня воспитывала“. Вспоминалъ онъ также о томъ, какъ отецъ его, Императоръ Николай I, не любилъ, когда курить: „Разъ еще юношей, рассказывалъ Государь, шелъ я по коридору дворца съ папиросою; вдругъ показался навстрѣчу отецъ; я чувствовалъ уже, что будетъ неудовольствіе, сжалъ въ кулакѣ горящую папиросу, и хотя сильно жгло мнѣ ладонь, но я, не морщась, отвѣчалъ на всѣ вопросы Батюшки“. Вспоминалъ онъ также, какъ однажды, во время лагернаго дежурства въ Красномъ Селѣ, ему пришла очередь ночного дежурства у Царскаго Валика на мосту: „Былъ проливной дождь и спать сильно хотѣлось“—рассказывалъ Государь: „недолго думая, я преспокойно залѣзъ подъ мостикъ и расположился спать. Отецъ же вздумалъ провѣрить, точно ли я исполняю службу, какъ и другіе, пріѣхалъ ночью для провѣрки и, не найдя меня на мѣстѣ, наказалъ еще дежурствомъ и на гауптвахтѣ“. И много еще онъ рассказывалъ про свое дѣтство.

Часто мы жаловались ему на свое горе; однажды мы стѣвовали на то, что жарко, а купаться нельзя, такъ какъ вода въ рѣкѣ вся спущена и шлюзы въ Павловскѣ закрыты; думая, что всему виною распоряженіе Великаго Князя Константина Николаевича, которому принадлежалъ Павловскъ, мы жаловались на него, а Государь, шутя, говорилъ: „Ничего, завтра будетъ вода, и ему скажу, чтобы воду спустили“—и дѣйствительно Славянка опять принимала свой видъ, и мы тогда большую часть дня проводили въ рѣкѣ, купаясь на дню нѣсколько разъ. Такъ проходило лѣто, наступалъ августъ мѣсяць, и насъ везли въ институтъ, тамъ шли занятія своимъ чередомъ, а въ маѣ мы опять переселялись на дачу, въ деревню, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда Государя Императора. Съ пріѣздомъ его опять начинались наши встрѣчи, и мы опять слышали добрый и ласковый голосъ Государя и повѣряли ему, не боясь, что онъ насъ осудитъ, всѣ наши дѣтскія радости и горести. Разъ онъ спросилъ (мы были въ возрастѣ лѣтъ 14-ти), ходимъ ли мы въ Павловскъ на музыку; тогда намъ было строго воспрещено посѣщать Павловскъ, но я помню, какъ прямо отвѣтила ему: „Да, Ваше Величество, ходимъ, но только не говорите объ этомъ начальницѣ“ (въ то время была начальницею Д. А. Львова, ранѣе бывшая замужемъ за Фредериксомъ), а

онъ отвѣтилъ, смѣясь: „Будьте спокойны, не скажу, не выдамъ васъ“. Шутя въ разговорѣ съ нами, онъ обратился разъ къ мальчикамъ-братьямъ нашимъ, спрашивая: „Вотъ когда вы вырастете, кто изъ васъ къмъ бы хотѣлъ быть тогда“. Конечно, всѣ захотѣли быть генералами, а одинъ изъ нихъ Ж. Л. сказалъ: „А я хочу быть Царемъ“. А что же ты думаешь, сказалъ Государь: „легко быть Царемъ? и скажи мнѣ, почему ты хочешь быть Царемъ“. Я бы все ѣлъ сладкіе пироги и чернишный супъ. Государь сильно смѣялся, говоря Царемъ не желаю тебѣ быть: очень тяжело, а супъ и пироги ѣшь,—это хорошо и вкусно. Разъ сказалъ онъ намъ, что пріѣдетъ къ 7 часамъ вечера и покатаетъ насъ по парку. Дѣйствительно, Государь къ вечеру, часовъ въ 7, въ плетеномъ шарабанѣ въ 2 лошади и съ жокеемъ сзади, вѣхалъ въ деревню Ново-Весь, остановилъ лошадей и, велѣвъ жокею сойти и ждать его въ деревнѣ, тутъ же, всѣхъ насъ дѣтей, забралъ къ себѣ въ шарабанъ. Влѣзло насъ много, даже на подножкахъ нѣсколько человѣкъ помѣстились, всѣ безъ шляпъ и платковъ, словомъ. какъ были... А Государь, обратясь къ нашимъ родителямъ, сказалъ: „Не бойтесь, я ихъ покатаю по парку и въ цѣлости доставлю обратно“. Государь самъ правилъ, каталъ насъ по Павловскому парку; мимо оранжерей проѣхали мы въ Розовый Павильонъ, ко Дворцу Константина Николаевича, а затѣмъ обратно къ нашей деревнѣ, гдѣ всѣ мы, восторженные, выскочили изъ шарабана, благодаря Царя за доставленное намъ удовольствіе и радость. Онъ, смѣясь, сказалъ: „Ну, кажется, всѣ, никого не потерялъ“. Затѣмъ жокей помѣстился на сидѣннѣ сзади шарабана, и Государь поѣхалъ по Фермерской дорогѣ въ Царское.

Да, счастливое, свѣтлое было время, и теперь, вспоминая о немъ, кажется, что все это было недавно, а между тѣмъ прошло уже много времени (45 лѣтъ, съ тѣхъ радостныхъ и кажущихся даже сказочными встрѣчъ). Забыла я еще сказать, что Государь любилъ курить во время прогулокъ, и когда онъ докуривалъ папиросу, а затѣмъ закуривалъ другую, то мы просили, чтобы онъ ихъ не бросалъ, а давалъ бы намъ на память. У меня и сейчасъ еще хранятся эти папиросы и спички. Спички были особенныя: спичка, а затѣмъ на проволочномъ штифтикѣ сѣрая продолговатая шишечка; при чирканнѣ шишечка эта вспыхивала, а затѣмъ тлѣла и отъ вѣтра не гасла.

Часто Государь показывалъ намъ фокусы съ папиросой, курия, какъ бы черезъ ухо, и много другихъ, и мы всѣ были

въ восторгѣ. Когда мы находили ягоды, то обязательно, воображая, что это рѣдкость, подчивали ими Государя, онъ всегда пробовалъ, говоря: „Вотъ я пріѣду домой и передъ обѣдомъ мнѣ мои Маша, Сергѣй и Павелъ также принесутъ со своего огорода морковки, рѣпы и огурцовъ, всего, что у нихъ поспѣло. (Огородъ этотъ находился тамъ, гдѣ ферма Маріи Александровны).

Во время прогулокъ, когда мы уже нѣсколько подросли, онъ спрашивалъ насъ, ходимъ ли мы въ церковь, что читаемъ, совѣтовалъ болѣе заниматься...

Такъ на его глазахъ подростали мы и каждый годъ лѣтомъ опять встрѣчались во время его пребыванія въ Царскомъ, такъ какъ, любя Павловскій паркъ, онъ всегда пріѣзжалъ въ него гулять. Помню какъ сейчасъ: случились однажды маневры близъ Ижоры; Государь спросилъ насъ, видали ли мы маневры, говоря, что это очень интересно и что онъ на этотъ разъ проведетъ ихъ черезъ нашу деревню Ново-Весь: „Вотъ завтра, сказалъ онъ, въ 2 часа, войска пойдутъ здѣсь; будьте дома, чтобы видѣть ихъ, а затѣмъ войска будутъ стоять на фермѣ бивуакомъ“. Дѣйствительно, къ этому времени показали съ большой дороги войска, проводимыя Государемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Войска шло множество; когда Государь приблизился къ намъ, я бросилась къ нему навстрѣчу, поздоровалась съ нимъ (Государь всегда здоровался и прощался за руку) и пошла съ нимъ рядомъ, такъ какъ онъ сказалъ, что останавливаться ему неудобно, познакомилъ меня съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, говоря: „Вотъ моя знакомая, про которую тебѣ извѣстно“. Изъ всѣхъ дѣтей мнѣ одной пришлось идти такимъ образомъ впереди войска, а когда мы прошли деревню и спустились уже къ Фермерской дорогѣ до рѣки Славянки (дорога же шла дальше въ гору), то Государь сказалъ: „Теперь намъ надо проститься, потому что лошадямъ трудно взбираться въ гору, а вотъ къ 7 часамъ вечера приходите на ферму; мы всѣ будемъ тамъ пить чай, а вы посмотрите, что значитъ бивуакъ; тамъ зажгутъ костры и будетъ играть музыка“. Тутъ Государь попрощался, а мнѣ пришлось идти какъ разъ навстрѣчу войскамъ и офицеры, видя, что Государь и Великій Князь попрощались со мною, стали отдавать мнѣ честь. Страшно мнѣ совѣстно было, и я только и думала о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до своихъ и до дому, гдѣ братья мои смѣялись надъ тѣмъ, какой я удостоилась чести. Къ 7 часамъ вечера мы всю компаніей прошли къ фермѣ, гдѣ, дѣйствительно, уже играла

музыка, а за фермой, на лугу, до Тярлева, были раскинуты бѣлыя палатки. Палатка Наслѣдника Цесаревича была совсѣмъ рядомъ съ фермою; Государь и Великая Княжна Марія Александровна, увидавъ насъ съ балкона фермы, бросали намъ персики. Между тѣмъ время все шло, мы подростали. Въ одну изъ нашихъ прогулокъ Государь спросилъ меня, отчего мы все говоримъ по-русски: „Давайте, хотя для вашей практики по-французски или по-нѣмецки говорить“—добавилъ онъ. Я сказала: „Хорошо, будемъ говорить по-французски, но только ни за что по-нѣмецки, такъ какъ я терпѣть не могу нѣмцевъ и ихъ языкъ даже“. Государь сказалъ: „Какъ же такъ можно говорить, вѣдь вы знаете, что они намъ родственники“. „Какіе“?—удивившись, спросила я. „А по Императрицѣ“. Послѣ этого объясненія мы опять стали говорить по-русски и до самаго конца нашего знакомства съ Государемъ говорили не иначе, какъ по-русски.

Узнавъ отъ насъ, что маневры намъ понравились, онъ сказалъ: „Если вы пойдете въ воскресенье въ церковь, то послѣ нея приходите къ Большому Дворцу, на площадь (плацъ): тамъ будетъ парадъ“. Нечего и говорить, что мы охотно шли смотрѣть такіе парады.

Незамѣтно прошли 6 лѣтъ, я перешла уже въ X, выпускной классъ; въ то время существовало еще правило, что воспитанницъ послѣдняго класса не пускали на лѣто домой: онѣ оставались въ институтѣ, все лѣто занимаясь языками, повтореніемъ пройденныхъ курсовъ и работой.

1-го іюля воспитанницы X класса всѣхъ институтовъ Вѣдомства Императрицы Маріи ѣздили въ Петергофъ, гдѣ осматривали паркъ, дворцы, обѣдали, пили чай, затѣмъ танцовали на воздухѣ и такъ проводили цѣлый день, а вечеромъ возвращались въ Петербургъ. Поѣздка и празднество это устраивалось на особый капиталъ, оставленный Императрицей Маріей Ѳеодоровной съ тѣмъ, чтобы 1-е іюля, день ея рожденія, дѣти всегда проводили въ радости и вспоминали ее. Такъ было и въ то лѣто, когда намъ объявили, что 1-го іюля мы всѣ поѣдемъ въ Петергофъ. Много было сборовъ и волненій, всѣмъ хотѣлось быть въ порядкѣ и вообще подготовиться къ достойной встрѣчѣ съ другими институтами.

День былъ чудный, тихій, жаркій; вотъ мы и въ Петергофѣ... Съ вокзала насъ въ дворцовыхъ экипажахъ долгушахъ—прямо повезли въ Монплезиръ. Здѣсь въ залѣ воспитанницы всѣхъ институтовъ были поставлены по порядку; когда всѣ были

установлены, доложили Государю, дверь изъ покоевъ открылась, и вышли Государь, Государыня, Великая Княжна Марія Александровна и Великіе Князья. Государь сталъ обходить, здороваясь съ институтками, а когда подошелъ къ Смольному и увидѣлъ меня, сказалъ: „Вчера я видѣлъ вашихъ; я сказалъ имъ, что васъ увижу сегодня здѣсь; они вамъ кланяются и просили меня, чтобы васъ пустили на лѣто домой“. Миѣ пришлось выйти впередъ, а онъ прибавилъ: „Сегодня я васъ покажу въ шарабанѣ и покажу вамъ паркъ“. Затѣмъ всѣ удалились, а намъ былъ предложенъ обѣдъ здѣсь же, въ Монплезира; обѣдъ продолжался долго, такъ что окончили его лишь къ 3 часамъ. Затѣмъ подали экипажи, въ которые стали размѣщать воспитанницъ. Въ это же время подъѣхалъ въ шарабанѣ Государь и сказалъ миѣ, чтобы садилась я, а также еще 5 воспитанницъ другихъ институтовъ; когда экипажъ Государя тронулся, то вслѣдъ за нами поѣхали и остальные экипажи; мы между прочимъ осмотрѣли фонтаны и большой дворецъ... Послѣ прогулки, которая продолжалась до 5 часовъ, насъ привезли въ Александрию, гдѣ былъ приготовленъ чай на длинныхъ и узкихъ столахъ, уставленныхъ фруктами, печеньемъ, конфетами у каждаго прибора и чайными чашками. Государь вышелъ изъ экипажа, показалъ, гдѣ и какъ надо намъ размѣщаться, и, указавъ миѣ на одинъ стулъ, сказалъ: „Здѣсь садитесь вы, а этотъ берегите для меня“, а самъ пошелъ обходить другіе столы. Воспитанницы, всѣ радостныя, размѣщались съ веселымъ разговоромъ, дѣлясь впечатлѣніями отъ всего видѣннаго; надо замѣтить, что воспитанницы всѣхъ институтовъ сидѣли тутъ въ перемежку, не по институтамъ. Въ это время начальница наша Д. А. Львова, подойдя ко миѣ и увидя свободный около меня стулъ, сказала, что здѣсь сядетъ, на что я отвѣтила, что этотъ стулъ занятъ уже Государемъ, который просилъ меня поберечь для него мѣстечко. Начальница строго на меня взглянула, но это не смутило меня. Я ни за что не уступила бы ей своего стула, хотя и чувствовала, что поступаю дерзко, безтактно. И дѣйствительно, Государь, обойдя всѣ столы и видя, что для всѣхъ есть мѣста и что все въ порядкѣ, пришелъ къ своему мѣсту около меня и сѣлъ, а за нимъ и всѣ уже сѣли. Тотчасъ, точно по волшебству, лакеи, стоявшіе за стульями, стали наливать всѣмъ изъ большихъ чайниковъ чай. Во время стола играла музыка, а мы пили, ѣли, а затѣмъ, на разостланныхъ на лугу деревянныхъ полахъ начали танцовать воспитанница съ воспитанницею. Танцы продолжались до 9 часовъ вечера, послѣ чего велѣно было приво-

дить себя въ порядокъ, чтобы ѣхать обратно въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ всѣмъ было предложено по букетику, а Государь раздавалъ всѣмъ персики. Прощаясь, Государь сказалъ мнѣ: „Васъ завтра отпустятъ домой, такъ какъ я передалъ просьбу объ этомъ вашей начальницѣ“. Мы поѣхали на 10 ч. поѣздъ, а въ 12 были дома, въ институтѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ меня потребовали къ начальницѣ Д. А. Львовой, отъ которой я получила заслуженный выговоръ; я чистосердечно извинилась передъ нею и сказала, что и другая на моемъ мѣстѣ навѣрно поступила бы также, потому, что такое счастье выпадаетъ рѣдко. Начальница, побранивъ меня какъ слѣдуетъ, сказала, что я поставила ее въ неловкое положеніе, такъ какъ ей передъ другими институтами неудобно было, что я ей отказала дать свое мѣсто. Однако гнѣвъ ея прошелъ, я ей, со своей стороны, преподнесла чудный персикъ, данный мнѣ Государемъ, и она сказала, что дастъ моему батюшкѣ знать, чтобы за мною завтра пріѣхали, такъ какъ я могу ѣхать домой до занятій.

Съ радостной душой ушла я отъ начальницы и крѣпко уснула послѣ такъ сказочно-чудесно проведеннаго дня. Пріѣхала я въ деревню 2-го іюля 1872 года. Лѣто промелькнуло незамѣтно, и опять наступили занятія, а въ маѣ былъ выпускъ нашъ изъ института, на которомъ мы прощались съ добрыми нашими попечителями: барономъ Б. В. Фредериксомъ и В. Я. Скарятинымъ. Всѣ мои акварели, которыя я рисовала за послѣднее время въ институтѣ и которыя были выставлены на выпускной нашей выставкѣ, подарила я на память имъ и своимъ преподавателямъ. У меня была способность къ музыкѣ и живописи, которую я страшно любила, и теперь еще она мнѣ доставляетъ большую отраду. Лѣтомъ этого года, когда встрѣтилась я съ Государемъ, онъ сказалъ мнѣ: „Вотъ вы теперь кончили курсъ и Императрица спрашивала меня про васъ и, узнавъ, что вы и по окончаніи курса въ институтѣ продолжаете заниматься живописью, была очень этому рада; чтобы еще больше порадовать ее, я попрошу васъ написать картинку для Императрицы, сюжетъ возьмите какой хотите, но изготовьте ее непременно къ 18 іюля, такъ какъ я въ этотъ день ѣду въ Крымъ и свезу картину къ именинамъ Императрицы; я знаю, что доставлю ей этимъ удовольствіе“. До 18-го оставалось очень мало времени, и Государь, видя мое огорченіе, спросилъ: „Что же?“ Я отвѣтила, что я очень рада, но такъ какъ времени до 18-го немного, то мнѣ не придется ходить отъ 3—4 часовъ, чтобы видѣть

Государя и говорить съ нимъ. На это онъ сказалъ мнѣ: „Хорошо, я эти дни не буду сюда ѣздить, но 18-го принесите картину въ рамѣ и въ ящикѣ, чтобы везти; я приѣду и взгляну“. Я тотчасъ же принялась усердно за работу, и къ 18-му іюля у меня была готова картина, изображающая сельскій пейзажъ съ курами на первомъ планѣ. 18-го числа, ровно въ 3 часа, приѣхалъ къ намъ Государь и пожелалъ посмотреть картину, она ему понравилась (конечно, онъ хотѣлъ меня, вѣроятно, поощрить). „Я сейчасъ взять съ собой ее не могу, сказалъ онъ, такъ какъ я верхомъ, но быть можетъ приѣду въ экипажѣ вечеромъ, а если не буду, пусть вашъ братъ (онъ былъ уже студентъ 21 года) доставитъ мнѣ ее завтра къ 10 часамъ утра прямо во дворецъ, къ собственному моему подъѣзду; я ужъ тамъ распоряжусь“. 19-го іюля 1872 г. братъ мой на чухонской таратайкѣ подъѣхалъ къ большому дворцу съ плаца; тамъ его, дѣйствительно, уже ждали и взяли отъ него картину, которая была уложена въ нарочно заказанный для нея ящикъ. Въ этотъ же день въ 3 часа Государь приѣхалъ, сказавъ, что сегодня онъ простится съ нами, такъ какъ поѣдетъ на югъ. Про картину онъ сказалъ, что поставилъ ее у себя въ кабинетѣ и что чѣмъ больше онъ на нее смотритъ, тѣмъ болѣе она ему нравится. Прощаясь, онъ просилъ за него помолиться, и сказавъ: „Дай Богъ намъ опять на будущее лѣто встрѣтиться“, благословилъ насъ и, прощаясь, передалъ мнѣ въ руку небольшой пакетикъ; я сильно изумилась этому, а онъ сказалъ: „Спасибо вамъ за картину, порадуя ея Императрицу, а это вамъ пригодится болѣе, чѣмъ что-либо другое“. Еще перекрестивъ меня и сказавъ: „Смотрите, работайте, развивайтесь, я буду слѣдить за вашими успѣхами“—уѣхалъ. Онъ такъ былъ добръ, такъ насъ, дѣтей, хотя уже мы были большіе, любилъ: всегда, когда онъ прощался, у него были слезы на глазахъ. Когда Государь скрылся изъ виду, я раскрыла конвертъ и въ немъ нашла три сторублевки.

Кончилось мое ученіе, и началась новая жизнь. Всѣ мы очутились на свободѣ, родители первое время особенно баловали насъ, и всѣ старались доставить намъ побольше удовольствій, которыхъ мы были такъ долго лишены. Понятно, что долго такъ продолжаться не могло: чувствовалась необходимость приняться за то дѣло, какое кому было болѣе симпатично. Я любила музыку и живопись, которая давалась мнѣ легко. Хотя я любила и музыку, но, не найдя поддержки въ окружающихъ, я принялась за живопись, которою всѣ окружающіе меня зани-

мались (отецъ и всѣ братья мои были художники). Я начала рисовать по вечерамъ съ гипсовъ, а днемъ красками. копируя картины въ Кущелевской галлерей и въ Эрмитажѣ; время шло незамѣтно за любимымъ занятіемъ. Я мечтала о томъ, что если мнѣ суждено когда-нибудь выйти замужъ,—я выйду за художника. Какъ разъ въ то время изъ-за границы вернулся пансіонеръ Академіи академикъ М. Н. Васильевъ, человѣкъ образованный, развитой, любящій искусство и такъ хорошо говорившій про Италію, Грецію и все свое пребываніе за границей, что, слушая его, я прямо переносилась и на Аеонъ, и въ Константинополь, и всюду, гдѣ онъ побывалъ. Понятно, что я вся была слухъ и вниманіе. Зная его какъ прекраснаго художника, я всегда просила у него совѣтовъ въ рисунокѣ. Когда я копировала въ Эрмитажѣ, онъ часто приходилъ посмотрѣть на мою работу и дать полезный совѣтъ. Однажды въ началѣ весны, пришлось намъ итти на Васильскій островъ, гдѣ тогда жили я и М. Н. Васильевъ.

Выйдя изъ Эрмитажа, я и М. Н. шли по набережной по направленію къ Дворцовому мосту, солнце свѣтило намъ прямо въ лицо, почему я шла, совсѣмъ нагнувъ голову. Вдругъ на меня налетѣла большая собака; я выпрямилась и увидала прямо передъ собой Государя, который протягивалъ мнѣ руку, говоря: „Откуда это вы?“ Мой спутникъ сразу куда-то скрылся... Государь, узнавъ, что я работала въ Эрмитажѣ, сказалъ мнѣ: „На этихъ дняхъ я приду къ вамъ въ Эрмитажъ посмотрѣть на вашу работу“. Дѣйствительно, 4 апрѣля, дня три-четыре спустя послѣ встрѣчи, подбѣгаетъ ко мнѣ придворный служитель и говоритъ: „Его Императорское Величество изволить къ вамъ итти“. Я тотчасъ же бросила кисти и палитру и поспѣшно пошла навстрѣчу Государю, который, со своей собакой Милордомъ, шелъ по направленію ко мнѣ изъ Петровской галлерей.

Я страшно была рада видѣть Государя и очень волновалась, подводя его къ своей работѣ и объясняя ее Государю. Онъ сѣлъ передъ копіей на кресло, долго смотрѣлъ на мою работу, сравнивалъ ее съ оригиналомъ, и по добротѣ своей все хвалилъ, говоря, что я сдѣлала большіе успѣхи въ живописи. Затѣмъ я проводила его опять до Петровской галлерей, при чемъ онъ сказалъ мнѣ, что пойдетъ навѣстить Великаго Князя Владиміра Александровича, который тогда былъ боленъ. Прощаясь, онъ благословилъ меня, говоря „работайте, не бросайте, а я буду слѣдить за вами и расскажу объ успѣхахъ вашихъ Императрицѣ“. Вернувшись къ своему мѣсту, гдѣ я копиро-

вала, я нашла множество любопытныхъ, которые и на второй день точно также толпились около меня, такъ какъ вѣсть объ оказанномъ мнѣ вниманіи быстро разнеслась по Эрмитажу. Эти любопытные очень мѣшали мнѣ работать, а потому я, такъ какъ копія моя почти была готова, попросила служителя вернуть ее и унесла домой.

Эту копію съ Карла Маратто я берегу, какъ дорогую для меня память. Ободренная такимъ Высочайшимъ и сердечнымъ покровительствомъ и поощреніемъ, я всей душой отдалась искусству и работала съ усердіемъ въ галлерейхъ М. П. Боткина, копируя Ахенбаха Иванова и др. Наступило лѣто, и я начала этюды съ натуры. Въ это лѣто также я неоднократно встрѣчалась съ Государемъ. Однажды въ іюлѣ онъ ѣхалъ въ шарабанѣ съ Великой Княжнѣй Маріей Александровной, Великой Княгиней Маріей Николаевной и Великими Князьями Павломъ и Сергѣемъ; встрѣтившись со мною, онъ остановилъ экипажъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Можете ее поздравить, она невѣста, показывая на Великую Княжну Марію Александровну“. Я отъ всей души говорила ей пожеланія всего хорошаго и въ то же время сказала, что и я невѣста. Мы всѣ весело и много смѣялись такому совпаденію, что обѣ одновременно стали невѣстами, и когда Государь спросилъ, за кого я выхожу, я отвѣтила: „За того художника, который тогда встрѣтился съ вами на набережной и убѣждалъ“. Великая Княгиня Марія Николаевна, какъ президентъ академіи художествъ, заинтересовалась узнать его спеціальность и работы. Услыхавши, что это онъ работалъ на братскомъ Севастопольскомъ кладбищѣ и въ Парижской церкви, она очень одобрила его произведенія.

И такъ я вышла замужъ за художника, какъ того и хотѣла, всю жизнь помогала ему въ его работѣ и теперь, на склонѣ лѣтъ, живопись поддерживает мой духъ и я нахожу въ ней большую отраду и успокоеніе.

Съ Государемъ и послѣ выхода своего замужъ я постоянно встрѣчалась, при чемъ, гдѣ бы мы ни встрѣтились, онъ всегда останавливался, подавалъ мнѣ руку и спрашивалъ о моихъ дѣлахъ. Однажды лѣтомъ въ Павловскомъ паркѣ гуляла я съ мужемъ, съ семействомъ Зайцевскихъ и др.; навстрѣчу намъ показался верхомъ Государь; увидѣвъ меня, онъ остановилъ лошадь, поздоровался и спросилъ, съ кѣмъ я, и узнавъ, что это мужъ мой, онъ позвалъ его къ себѣ и далъ ему руку, говоря: „Я радъ васъ видѣть, вѣдь ваша жена моя старинная пріятельница, и я всегда радъ ее видѣть: вѣдь она сверстница

моей Маши". Всѣ, кто видѣлъ Государя въ это время говорящимъ, были поражены его добрымъ взглядомъ и ласковымъ голосомъ, звучавшимъ такою добротой. Я такъ любила мѣста, гдѣ протекало мое дѣтство, что, и вышедши замужъ, всегда проводила лѣто въ деревнѣ Ново-Весь. Когда у меня были уже маленькія дѣти, сынъ Коля 3 л. (1880), то однажды, гуляя въ лѣсу, мы встрѣтили Государя. Онъ взялъ его на руки, посадилъ къ себѣ впереди на сѣдло, ласкалъ его, спрашивалъ, правится ли ему лошадь. Обласкавъ ребенка, онъ отдалъ его мнѣ, выразивъ сожалѣніе, что онъ не его крестникъ. Въ это же лѣто Государь, точно чувствуя, что болѣе не увидится, пріѣхалъ разъ къ нашей дачѣ и далъ мнѣ большой свой фотографическій портретъ, говоря: „Это самый удачный портретъ; я нахожу его болѣе похожимъ“. Затѣмъ, прощаясь и благословляя меня, онъ сказалъ: „Дай Богъ намъ и на будущее лѣто еще разъ встрѣтиться“. Однако, это были послѣднія его слова ко мнѣ: 1-го марта 1881 года не стало Великодушнѣйшаго Монарха, положившаго жизнь свою за ближнихъ своихъ... Вся Россія, какъ одинъ человекъ, оплакивала своего гуманнѣйшаго Царя-Освободителя, и память объ немъ, какъ яркій лучъ солнца, всегда будетъ свѣтиться въ исторіи Россіи.

Н. К. Васильева.

